

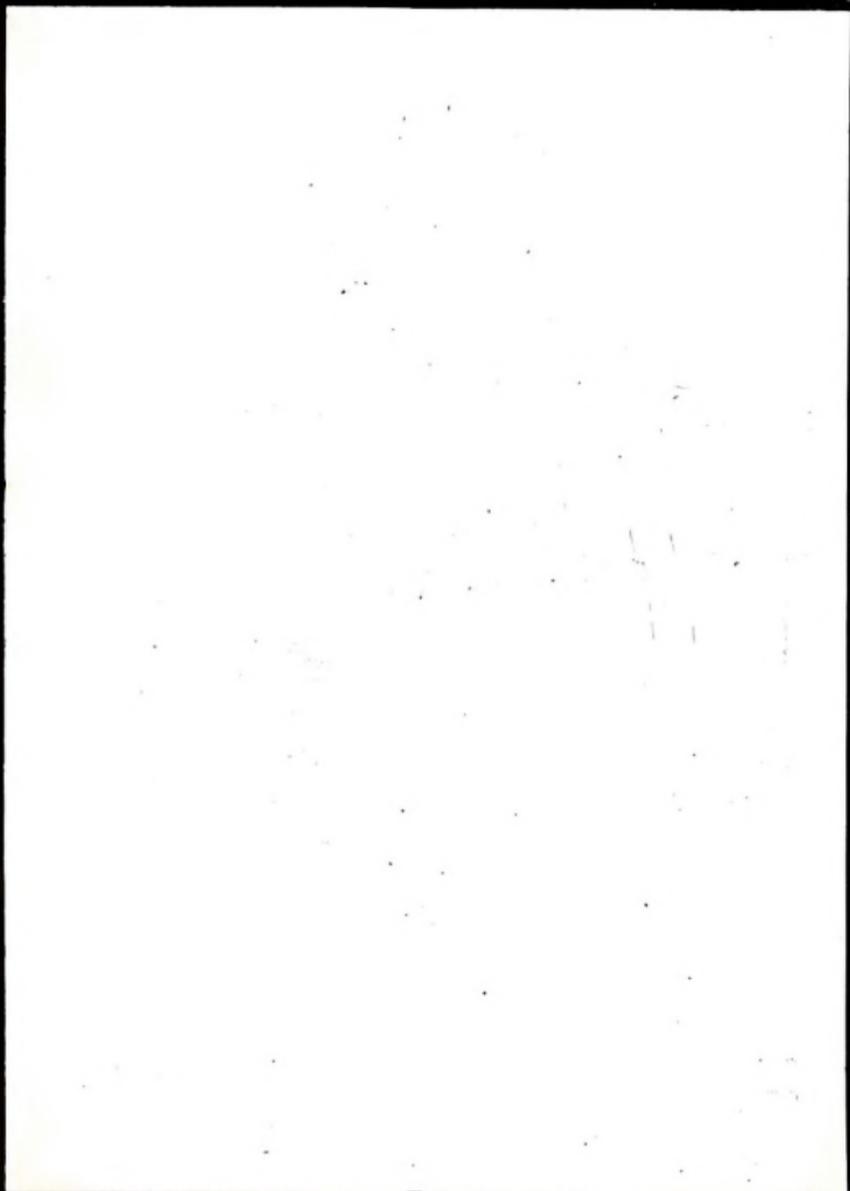

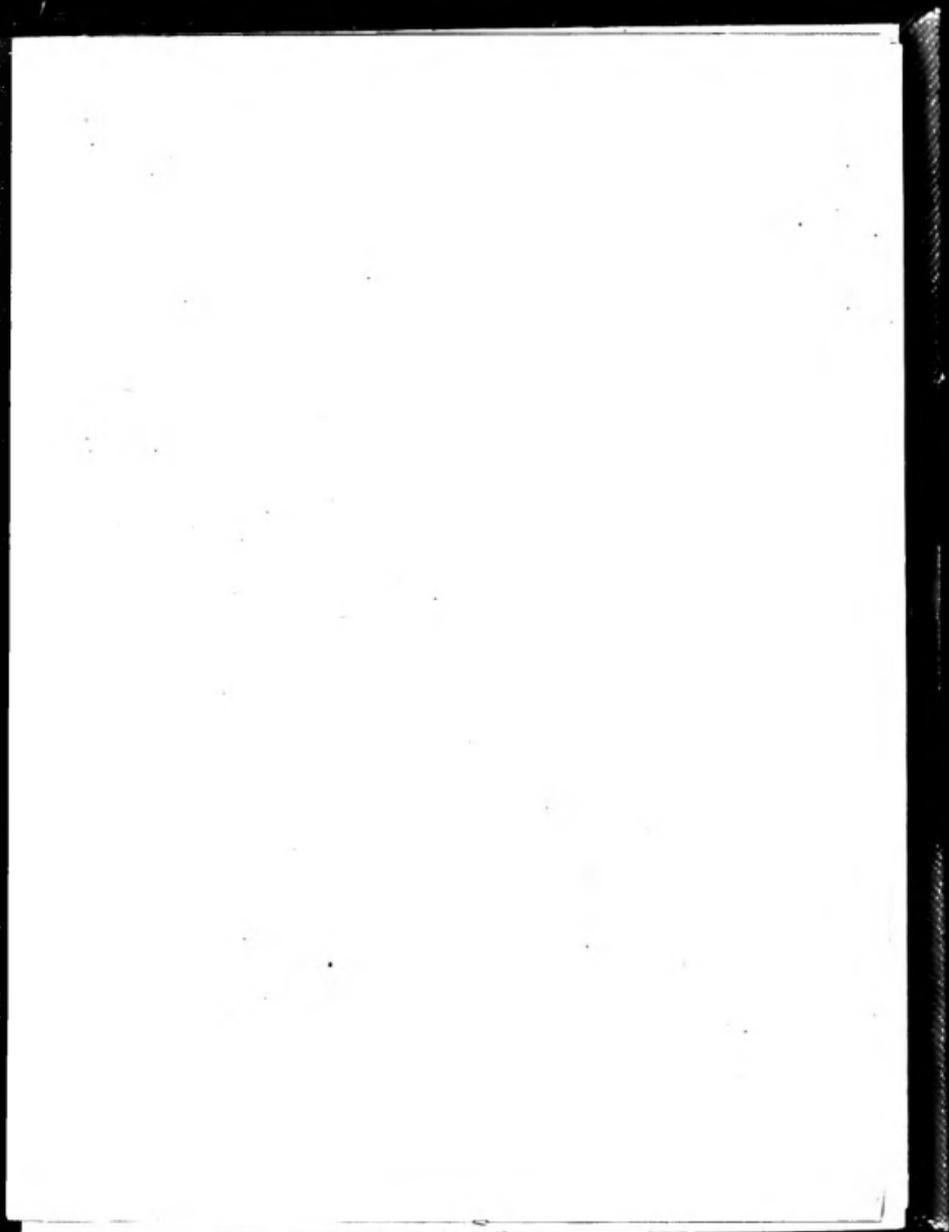
Հ. Դրոբեան ԶՆԼ ԿՈՄՄՈՒՆԻՍՏԻՉ

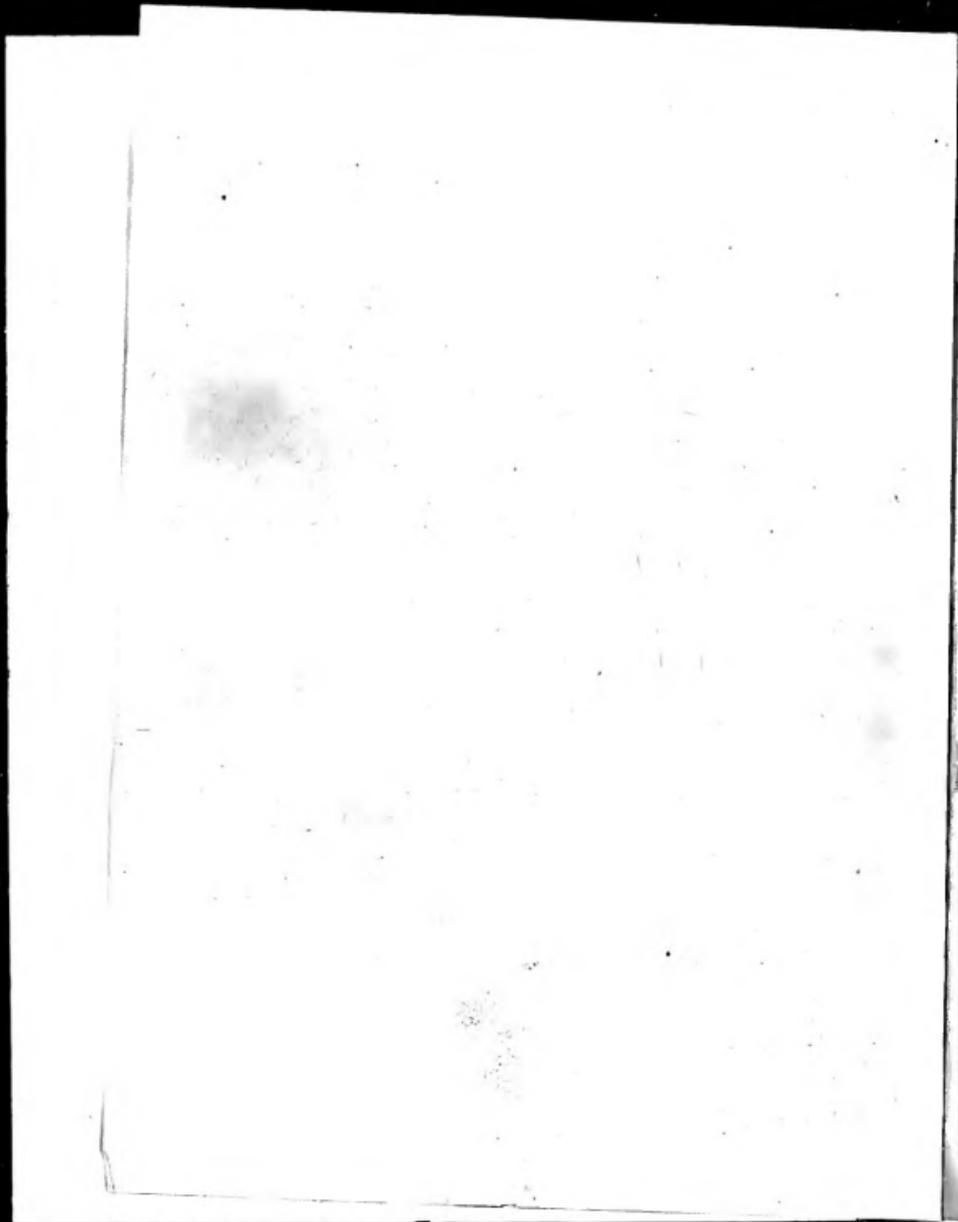
ՎՈՍՍՊԻՏԱՆԻՅԱ

ԵՐԵՎԱՆ

ԻՆՏԵՆՏ ԿԵՆՏՐԱ
ՅՆՖՈՐՄԱ
ԵՄԻՂԻ
3263

Л. ТРОЦКИЙ

ЕНЦ
3263

**ЗАДАЧИ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ**

ИЗД.
КРАСНАЯ НОВЬ
ГЛАВПРОАНТПРОСВЕТ
МОСКВА

И

Р

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

Хрестоматия по истории классовой борьбы в России. (Для совпартшкол I ступени). Изд. 2-ое, дополненное. Стр. 372. Цена 2 р. 10 к. Составили: М. Н. Коваленский, Ст. С. Кривцов, Е. А. Мороховец и Н. Г. Тарасов.

Содержание: Предисловие. I. Дворянская Россия в XVIII в. II. Зарождение буржуазного строя в России. III. Буржуазная Россия. VI. Мировая война и революция 1917 года.

„Книга эта напечатана в 15.000 экземплярах: если бы этот тираж удесятерить, то и тогда вряд ли покрыта была первая, самая неотложная и настоятельная потребность в учебнике или учебнико-подобном руководстве по совершенно новой школьной дисциплине, выдвинутой учебным бытом революционной эпохи: это—не „русская история“, не „история революции“, а та и другая вместе.

Хрестоматия эта составлена применительно к программе по русской истории совпартшколы I-й ступени. На самом деле контингент ее читателей будет безмерно шире.

В сжатых, отлично выбранных отрывках и документах хрестоматия обнажает исторические корни и нити рабоче-крестьянской революции. Хрестоматийный материал подобран с большой обдуманностью и изобретательностью: авторы использовали и мемуары—из „Русской Старины“, и сочинения кн. Вяземского и Салтыкова-Щедрина, А. И. Кошелева и др. Все это очень свежо и ценно... Конечно, основательно использованы тт. Покровский, Троцкий и Ленин“.

(„Правда“).

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

Заказы и деньги направлять в Торговый Сектор
Издательства: Москва, Милютинский пер., 22.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. ТРОЦКИЙ.

ЕН 171
3 263

Задачи коммунистического
ВОСПИТАНИЯ

Речь на пятилетнем юбилее коммунистического
университета имени Я. М. Свердлова.

Второе издание.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА 1924.

ЕН171
3263

Библиотека
Института Ленина
при Ц.Н. В.И.Л. (Б.)

сф (1282)
~~12084~~ 2946
58 с1.

1062665

Главлит. № 17760.

Тираж 7.000.

Типография Издат. „Красная Новь“, Милютинский, 22.

1. „НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК“ и РЕВОЛЮЦИОНЕР.

Товарищи! У нас сейчас во всем советском Союзе,—а мы должны твердо помнить, что наше государство есть Союз,—полоса пятилетних юбилеев. Должен за себя признать, что когда изрядно перевалишь за свой собственный 40-летний юбилей, то не сколько теряешь вкус к юбилеям вообще. Но если какой-либо из наших 5-летних юбилеев заслуживает внимания и способен вызвать действительно радостный душевный подъем, то это—юбилей коммунистического университета, в просторечии Свердловии, поставщицы партийного молодняка...

Товарищи, иной раз говорят, что задачей коммунистического просвещения является воспитание нового человека. Это немножко слишком обще, чересчур патетично. Правда, на юбилеях патетические выражения не только допускаются, но и поощряются. Однако, нам и на юбилеях не нужно допу-

скать бесформенно-гуманитарного истолкования понятия „нового человека“ и задач коммунистического воспитания. Нет никакого сомнения в том, что человек будущего, гражданин коммуны, будет очень интересным и привлекательным существом, но он будет иметь психологию... извиняюсь перед товарищами-футуристами: я думаю, что у человека будущего все-таки психология окажется (смех)... будет иметь, говорю, психологию, глубоко отличную от нашей. Но сегодняшней задачей нашей еще не является — к сожалению, если хотите — воспитание этого человека будущего. Утопическая, гуманитарно-психологическая точка зрения считает, что надо раньше воспитать нового человека, а он уже затем создаст новые условия. Мы этому не верим; мы знаем, что человек есть продукт общественных условий и выскочить из них он не может. Но мы знаем и кое-что другое, а именно, что существует сложное, активно-действенное взаимоотношение между условиями и человеком: сам человек есть орудие исторического действия, и не последнее по счету. Так вот в этом сложном историческом переплете среды и активно действующего человека мы-то сейчас создаем, в том числе и через Свердловию, не отвлеченного гармонического и совершенного гражда-

нина коммуны—о, нет, мы формируем конкретного человека нашей эпохи, который должен еще только бороться за создание условий, из которых вырастет гармонический гражданин коммуны. А это не одно и то же... уже по одному тому, что если сказать откровенно, то ведь наш правнук, гражданин коммуны, будет не революционер. На первый взгляд это кажется неверным, почти обидным, но это так. В понятие „революционер“ мы с вами вкладываем нашу мысль и нашу волю, всю сумму наших лучших страстей, и поэтому слово „революционер“ насыщено для нас высшим идейным и моральным содержанием, какое дано нам всем предшествующим развитием культуры. Отсюда как бы невольное чувство обиды за потомков, лишаемых революционного звания. Но не забудем, что революционер есть продукт определенных исторических условий, продукт классового общества. Революционер—не психологическая абстракция: Сама революция—не отвлеченный принцип, а материальный исторический факт, вырастающий из классовых антагонизмов, из насильственного преодоления класса классом. В соответствии с этим революционер есть конкретный исторический, следовательно, временный тип. Мы с вами по справедливости гордимся принадлежностью к этому

типу, но нашей работой мы подготовляем условия для такого общества, где не будет классового антагонизма, не будет революций, а, стало-быть, не будет и революционеров. Конечно, можно самое слово „революционер“ расширить до таких пределов, что оно охватит всякое сознательное человеческое творчество, направленное на порабощение природы, на умножение технических и культурных завоеваний, на то, чтобы перебросить ныне для нас еще неведомые и неслыханные мосты к другим космическим мирам. Но мы-то, товарищи, на такое абстрагирование, на такое безбрежное расширение слова „революционер“ не имеем никакого права, ибо еще далеко не завершили нашей конкретной исторической, политической революционной задачи, которая состоит в том, чтобы ниспровергнуть классовое общество. Следовательно—и это, я думаю, нелишне подчеркнуть, да покрепче, на празднике Свердловию,—воспитательная задача наша отнюдь еще не состоит в том, чтобы лабораторным путем в архи-негармоническом переходном обществе,—а наше общество сделало большой скачок от капиталистического рабства, но еще и порога коммунистической гармонии не видать!—чтобы, говорю, в этих условиях лабораторным путем создавать гармонического гражданина

коммуны. Такая задача была бы жалкой ребяческой утопией. Мы хотим создавать борцов, революционеров, которые явились бы восприимчивыми и продолжателями еще исторически незавершенной революционной традиции.

2. НЭП, ИМПЕРИАЛИСТСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ, ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

И когда мы подходим к вопросу в такой правильной, конкретной, исторической постановке, тогда сами собой отпадают некоторые опасения, которые приходится слышать даже от иных товарищей - коммунистов, слишком — как бы это сказать? — гуманитарно настроенных. Дело идет об опасностях нэпа. Мыслимо ли — говорят нам — воспитание нового человека в условиях нэпа? Но позвольте: да мы-то в каких условиях воспитывались? Наше поколение, уже отпраздновавшее свой 40-летний юбилей, и вся наша партия вообще воспитывались в капиталистических условиях. И она не могла бы воспитаться, как революционная партия, с тем единственным в мире революционным закалом, который ее отличает, если бы она не развивалась в условиях буржуазного режима, помноженного на режим царизма. И если сейчас у

нас есть нэп, т.-е рыночные отношения, а, следовательно, и возможность,—да, теоретическая и историческая возможность!—реставрации капитализма (если мы, как партия, исторически сдрейфим, сплываем), если существует эта опасность, то где же тут ставить себе задачей воспитание гармонического гражданина коммуны? Но если дело идет о воспитании борца за коммунизм, то позвольте спросить, в каком таком смысле рыночная обстановка, навязанная нам ходом борьбы, может воспрепятствовать развитию в молодом поколении психологии непримиримой борьбы? Когда-то у спартанцев показывали молодежи пьяных илотов, рабов, чтобы воспитать отвращение к пьянству. Я не думаю, что свердловцам нужны были по этой части столь наглядные методы воспитания (смех), но вот по части социальной, чтобы мы не заснули в самодовольстве, чтобы мы не вообразили, будто и впрямь уже переступили вполне и окончательно через порог социализма, нам иногда трезвого, а иногда и пьяного нэпмана, рыночного илота, история показывает. Сегодня это полупризрак,—говорит она нам,—а завтра он может развернуться в факт реставрации капитализма, если вы, если мы, если наша партия капитулирует перед трудностями исторического развития. В каком же смысле,

спрашиваю, нэп может препятствовать развитию революционных борцов? Нет, он конкретизирует наши исторические задачи и является сейчас важнейшим методом обратного в деле воспитания революционной рабочей и крестьянской молодежи.

Нэп, однако, не единственный момент, напоминающий нам о том, что мы еще не вошли в спокойное и счастливое царство коммуны. Есть для нашего поучения очень высокопоставленные илоты за пределами нашей страны, история опьяняет их время от времени, и они посылают нам ноты, чтобы напомнить, что буржуазия, что частная собственность, что капитал представляют еще могущественные факты и могущественные факторы. По поводу этих высокопоставленных илотов, которых я, по вполне понятным причинам международной вежливости, не буду называть по именам, есть в сегодняшнем номере „Юношеской Правды“ передовая статья с очень выразительным заглавием, которого я тоже не смею повторить (кто любопытен — приглашается заглянуть в свежий номер газеты*). Так вот эти неудобоназываемые джентльмены напоминают нам своими действиями о том,

*) В этом номере напечатана передовая под заглавием „Мерзавцы“.

что классовая борьба приняла у нас форму дипломатическую и военную, потому что мы есть пролетариат, организованный, по выражению Энгельса, в государство, и мы окружены со всех сторон организованной в ряд государств буржуазией, и наши отношения с другими государствами есть не что иное, как классовая борьба, которая принимает в известные моменты открыто-революционную, т. е. военную, а в другие моменты—реформистскую, т.-е. дипломатическую форму. Это не есть только метафора, образное выражение, но живой и несомненный исторический факт! Мы ведем непрерывную классовую борьбу и методами дипломатии, и методами внешней торговли, и методами военной обороны,—классовую борьбу, которая разворачивается по всем нашим границам, т.-е. на фронте, примерно, в 50 тыс. верст, значительно большем нашего земного экватора. Это тоже немаловажный фактор, который, с одной стороны, исключает возможность гуманитарной абстракции нового человека, а, с другой стороны, весьма жестоко обязует к конкретности революционного борца.

Когда мы боролись на внутренних фронтах гражданской войны, мы имели за каждым фронтом друзей, рабочих и крестьян. И сейчас, в международном масштабе за

этим фронтом в 50 тыс. верст нашей сухопутной и морской границы, мы имеем друзей, бьющих в тыл врага—мировое рабочее движение. Связь с ним для нашей революционной молодежи является основным условием действительно коммунистического воспитания. Разумеется — Маркс, разумеется—Энгельс, разумеется—Ленин, основа, фундамент, гранит теории. Но если только книга, то—только книжник! Революционный борец может воспитаться лишь при том условии, если он, опираясь на гранит теории, тесно, неразрывно связывает себя с практикой революционной классовой борьбы во всем мире. Внимательнейшее наблюдение за нею, проникновение в ее логику, уяснение ее внутренней закономерности есть первейшее условие воспитания молодого революционера в нашу эпоху, когда вся политика, вся культура, даже в своих дьявольских кровавых противоречиях, все больше становится интернациональной.

3. РЕВОЛЮЦИОНЕР И МИСТИЦИЗМ.

Свердловский университет должен воспитывать революционеров. Но что такое революционер? Каковы его основные черты? Я уже сказал, что мы не имеем права от-

рывать революционера, хотя бы и мысленно, от той классовой почвы, на которой он сложился и без которой он — ничто. Но опять-таки революционер, который в нашу эпоху может быть связан только с рабочим классом, имеет свои особые психологические черты, качества ума и воли. Революционер, когда нужно и можно, сламывает исторические препятствия насильем, когда нельзя — обходит, когда нельзя — упорно и терпеливо подтачивает и дробит. Он революционер, потому что не боится взрывать, применять беспощадное насилие, знает ему историческую цену. Он всегда стремится свою разрушительную и творческую работу развернуть в полном объеме, т.е. из каждой данной исторической обстановки извлечь максимум того, что она может дать для движения вперед революционного класса. В своих действиях революционер ограничен только внешними препятствиями, но не внутренними. Это значит, что он должен воспитывать в себе способность оценивать обстановку, арену своего действия во всей ее материальности, конкретности, в ее плюсах и минусах и подводить ей правильный политический баланс. Если же в нем есть субъективные помехи для действия, недостаток понимания, или недостаток воли, если он парализован внутрен-

ними трениями, предрассудками, религиозными, национальными, узко групповыми, цеховыми, то он уже в лучшем случае полуреволюционер. В объективной обстановке, товарищи, и без того слишком много препон, чтобы подлинный революционер мог позволить себе роскошь помножать объективные препятствия и трения на препятствия и трения субъективные. Поэтому воспитание революционера есть, прежде всего, освобождение его от всех наследий темноты и суеверий, которые сохраняются сплошь да рядом и в очень „утонченных“ сознаниях. И поэтому мы с величайшей неприемлемостью относимся к каждому, кто осмеливается заикнуться, будто мистицизм, религиозные чувства и настроения совместимы с коммунизмом. Вы знаете, что не так давно один видный шведский товарищ писал о совместимости религиозности не только с принадлежностью к коммунистической партии, но даже с марксистским мировоззрением. Мы же считаем необходимым условием теоретического воспитания революционера атеизм, как неотъемлемый элемент материализма. Кто верит в иные миры, тот не способен всю свою страсть отдать на переустройство этого мира.

4. ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ.

Отсюда огромное значение естествознания в Свердловии: без Дарвина ни до порога! Товарищи, я вспоминаю, как лет этак... сколько же это будет?—да почти-что четверть столетия тому назад, в одесской тюрьме, я впервые взял в руки Дарвина „Происхождение видов“ и „Половой отбор“. Живо помню то колоссальное потрясение, которое я испытал, читая эти книги. Не помню, в „Происхождении видов“ ли или в „Половом отборе“, Дарвин изображает развитие пера не то павлина, не то какого-то другого нарядного птичьего самца, показывая, как из первых незаметных цветых и форменных уклонений образуется сложнейший наряд. Должен сказать, что только в тот момент, прикоснувшись теоретическим восприятием к хвосту этого павлина, в дарвиновском истолковании, я почувствовал себя как следует быть атеистом. Ибо если природа может такую тончайшую и великолепнейшую работу выполнить собственными „слепыми“ методами, то зачем же ей вмешательство потусторонних сил? Когда я потом, несколько месяцев спустя, прочитал автобиографию Дарвина,

где—все это очень твердо врезалось в память!—есть, примерно, такая фраза: хотя я, Дарвин, и отказался от библейской теории творения, но веру в бога сохранил неизменно,—я был глубоко поражен—за Дарвина, не за себя. И сейчас я не знаю, была ли это у старика, одного из гениальнейших в истории человечества, условная ложь, дипломатическое преклонение перед лицемернейшим в мире общественным мнением английской буржуазии, или же и впрямь в его собственном мозгу остались непроработанными дарвинизмом клетки, куда в детстве, когда его готовили в священники, была вселена религиозная вера. Этот психологический вопрос я, товарищи, решать не берусь. Но не все ли равно? Если Чарльз Дарвин, по собственным его словам, сохранил веру в бога, то дарвинизм с этой верой не мирился никогда.

В этом отношении, как и в других, дарвинизм является предпосылкой марксизма. В широком материалистическом и диалектическом смысле марксизм является применением дарвинизма к человеческому обществу. Вы знаете, что были либеральные, манчестерские попытки механического перенесения дарвинизма в социологию, которые приводили только к ребяческим аналогиям, прикрывавшим злостную буржуазную аполо-

гетику: рыночная конкуренция об'являлась „вечным“ законом борьбы за существование и пр. На этих пошлостях останавливаться нет надобности. Но только внутренняя связь между марксизмом и дарвинизмом дает возможность понять живой поток бытия в его первичной связи с неорганической природой, в его дальнейшем обособлении, развитии, динамике, в дифференциации потребностей существования первых, элементарных растительных и животных видов, в их борьбе, в их изменениях, в нарастании и усложнении их форм, в появлении „первого“ человека или человекоподобного существа, вооружающегося первыми подобиями орудия труда, в появлении простейшей кооперации, пользующейся искусственными органами, в дальнейшем расчленении общества на основе развития средств производства, т.-е. орудий покорения природы, в классовой борьбе и, наконец, в борьбе за упразднение классов. Охватить мир с такой широкой материалистической точки зрения— это значит, товарищи, впервые освободить свое сознание от всех наследий мистицизма и обеспечить себе твердую почву под ногами. Это значит почувствовать, что у тебя нет внутренних, суб'ективных препятствий к борьбе за будущее, а есть только внешние сопротивления и противодействия, ко-

торые должно в одном случае подкопать, в другом—обойти, в третьем—взорвать, в зависимости от условий борьбы.

5. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ.

В последнем счете побеждает практика, говорим мы нередко. И это верно,—в том смысле, что коллективный опыт класса и всего человечества отменяет постепенно иллюзии, ложные теории, поспешные обобщения. Но, в другом—не менее действительном смысле, можно сказать: в последнем счете побеждает теория. Нужно только, чтобы теория действительно собрала в себе весь опыт человечества. С этой точки зрения исчезает самое противопоставление теории и практики, ибо теория есть правильно учтенная и обобщенная практика. Теория побеждает не практику, а безыдейный, чисто эмпирический, кустарнический подход к ней. Да, мы имеем полное право сказать: вооружайтесь теорией, ибо в последнем счете побеждает теория. Чтобы правильно оценить условия борьбы, в том числе и состояние твоего собственного класса, нужен надежный метод политической, исторической ориентировки. Это — марксизм, или в применении к новейшей эпохе—ле-

Библиотека
Института Ленина
пер. Ц.Н. в. к.п. (6.)

1062665

~~12304~~

низм. Маркс и Ленин— вот две величайшие вехи в области общественной мысли. Вот два имени, которые воплощают то материалистическое и диалектически-действенное мирозерцание, которое положено в основу программы коммунистического университета Свердлова. Маркс— Ленин! Это сочетание исключает самую мысль об „академизме“. Я имею в виду те прения по части академизма, которые велись у вас в школе, затем были перенесены и на столбцы общей партийной печати. Академизм в смысле самодовлеющего значения теории— для нас, революционеров, бессмыслица вдвойне. Теория служит коллективному человеку, служит революции. Правда, в известные моменты нашего общественного развития у нас были попытки отвлечь марксизм от революционного действия. Это было время так называемого легального марксизма. В тот период воспитался особый тип легального марксиста. Это было в 90-х годах прошлого столетия. Русские марксисты делились тогда на два лагеря: марксисты легальные, из питерских и московских журнальных салонов, и подпольная братия, марксисты тюремные, таежные, эмигрантские, нелегальные. Легальные были по общему правилу куда образованнее нас, молодых тогдашних марксистов. Правда, и

тогда была у нас группа широко образованных революционных марксистов, но лишь горсть, а мы, молодежь, в подавляющем большинстве своем, были, если признаться, довольно-таки невежественны, хотя вот и испытывали иногда потрясения от знакомства с Дарвином. Далеко не всем, однако, доводилось и до Дарвина добраться. Тем не менее, я могу вам сказать с уверенностью, что когда случалось этому подпольному молодому, 19-ти или 20-летнему, марксисту встретиться и сшибиться лбом с марксистом легальным, то в результате у молодых всегда возникало такое чувство: а все же мы умнее. Это не было просто мальчишеское высокомерие, нет. Разгадка этого чувства в том, что марксизм нельзя по настоящему усвоить, если нет воли к революционному действию. Только в том случае, если теоретическая мысль сочетается с волей, направленной на преодоление существующих условий, — орудие марксизма буравит и сверлит. А если этой активной революционной воли нет, то марксизм является лже-марксизмом, деревянным ножом, который не колет и не режет. Таким он и был в распоряжении наших легальных марксистов, постепенно превратившихся в либералов. Воля к революционному действию есть необходимое усло-

вие овладения диалектикой марксизма. Одно без другого не живет. Марксизм не может стать академизмом, не переставая быть марксизмом, т.-е. теоретическим оружием революционного действия. Свердлова ограждена от академического перерождения уже тем, что она является учреждением партии, все еще продолжающей составлять гарнизон осажденной революционной крепости.

6. ПАМЯТИ СВЕРДЛОВА.

Не даром, ведь, товарищи, ваш университет стоит под знаком Свердлова! Якова Михайловича мы любовно чтим не как теоретика,—им он не был,—а как революционера, который для нужд революционного действия в достаточной мере владел методом марксизма. Как и подавляющее большинство из нас, он не развивал самостоятельно теории марксизма, не вел ее вперед к новым научным завоеваниям, но за то он с полной уверенностью применял метод марксизма, чтобы наносить материальные удары буржуазному обществу. Таким мы его знали, и таким он сошел в могилу. То, что характеризовало его,—это действительное мужество. Без этого качества,

товарищи, нет и не может быть революционера. Не в том смысле, что революционер не смеет быть трусом,—это слишком элементарно и слишком просто, если говорить о мужестве в физическом смысле. Революционер должен иметь нечто большее, именно идейное мужество, дерзание в действии, решимость на дела, которых еще не было в истории, которых опыт еще не проверил, и которые встают поэтому, как нечто невероятное. Идея Октября после Октября,—это одно; но та же идея до Октября—совсем другое. Каждое большое событие в известном смысле застаёт людей врасплох. Идея Октября накануне Октября разве она не казалась воплощением невозможного, неосуществимого, и разве мало было марксистов, которые в ужасе шаркались от Октября, хотя все время шли, казалось, ему навстречу. В том и обнаружилось значение Октября, что история на ладони своей взвесила в те дни классы, партии и отдельных людей, и отвеела легковесных. Свердлов был не из таких. Он был подлинным борцом из хорошего материала, и достаточно владел оружием марксизма, чтобы твердо и уверенно пройти через дни Октября. Я его видел в различных условиях: на больших массовых собраниях, на тревожных заседаниях ЦК, в ко-

миссиях, в военно-революционном комитете, и на заседаниях Всероссийских Съездов Советов; я слышал не раз его трубный голос массового оратора и „комнатный“ голос цекиста,—и я, товарищи, не могу ни на одну минуту представить себе на его лице выражение замешательства, растерянности, не говорю уж испуга. В самые грозные часы он был все тот же: в кожаном картузе на голове, с папироской в зубах, улыбающийся, худощавый, небольшой, подвижной, нервный и в своей нервности уверенный и спокойный... Таким я видел его в июле 17 года, во время вакханалии белогвардейщины в Питере, таким он был в наиболее тревожные часы перед Октябрем, таким он оставался в дни немецкого нашествия после брест-литовских переговоров и в дни июльского восстания левых эсеров, когда одна часть Совнаркома—лево-эсеровское меньшинство—посылала другой части Совнаркома, большевистскому большинству, снаряды с одной из московских улиц в Кремль. Помню, как с неизменным своим кожаным картузом на голове, улыбаясь, Яков Михайлович спрашивал: „ну что же, придется видно от Совнаркома опять перейти к военно революционному комитету?“. Даже в те часы, когда чехо-словаки угрожали Нижнему, а т. Ленин лежал, под-

кошенный эсеровской пулей, Свердлов не дрогнул. Спокойная и твердая уверенность не покидала его никогда. А это, товарищи, неоценимое, поистине драгоценнейшее качество настоящего революционера. Мы с вами не знаем, какие еще дни и часы нам предстоят, какие бои придется нам проделать, какие баррикады брать, а, может быть, и временно сдавать. Мы уже не раз брали, сдавали и снова брали. Кривая революционного развития есть очень сложная линия. Нужно быть готовым ко всему. Мужественный дух Свердлова должен вдохновлять Свердловию—тогда мы будем спокойны за боевую преемственность нашей партии.

7. ПАРТИЯ НА ВОСТОКЕ.

Я сказал, товарищи, несколько ранее, что мистицизм и религиозность не совместимы с принадлежностью к коммунистической партии. Это выражение не точное, я хочу его поправить,—не из каких-либо отвлеченных соображений, но потому, что для нас, для коммунистической партии Союза Советских Республик, вопрос этот имеет огромное практическое значение. Москва есть бесспорный центр Союза, но у нас есть

большая союзная периферия, которая населена угнетавшимися ранее национальностями, отсталыми не по своей вине народами, и вопрос о создании, о развитии там коммунистических партий есть сейчас одна из важнейших и сложнейших наших задач, разрешение которой ляжет на молодые плечи свердловцев в течение их ближайшей работы. Мы соприкасаемся с внешним миром, и прежде всего с многомиллионным Востоком, через посредство отсталых советских республик. Мы законом и разумом революционной диктатуры не позволяем подняться в странах Союза ни одной из партий, представляющих собою прямую или замаскированную агентуру буржуазного господства. Другими словами, мы признаем только за коммунистической партией в переходный революционный период право на власть. Тем самым и в Туркестане, и в Азербейджане, и в Грузии, и в Армении, и во всех остальных частях нашего Союза мы признаем только за тамошней коммунистической партией, опирающейся на трудовые низы, право управлять в переходный период судьбами своего народа. Но там слишком слаба та социальная основа, из которой родилась в городах и закалилась в боях наша партия. Там слаб пролетариат. Там нет даже той небогатой политической дореволюционной

истории, которая была у Москвы и Петрограда. Там только Октябрьская революция пробудила к сознательной или полусознательной политической жизни отсталые и тяжело придавленные в прошлом крестьянские массы, и, пробуждаясь, они тяготеют к коммунистической партии, как своей избавительнице, они стараются продвинуть в ее ряды свои лучшие элементы,—искренние, революционные, но лишенные в прошлом школы классово-борьбы, опыта стачек, восстаний, баррикадных боев, кружковой пропаганды, своей и чужой прессы и пр. — элементы, которые поднимаются непосредственно из полукулацкого варварства, из ламаизма, шаманства, господства ислама и стучатся в двери коммунистической партии. Перед этими лучшими элементами отсталых народностей мы двери нашей партии открываем, и не удивительно, если мы наблюдаем такой факт, что в Туркестане и в некоторых других национальных республиках довольно высокий процент нашей партии состоит из людей верующих—в некоторых до 15 проц. Имеет ли это что-нибудь общее с той теорией, которую развивают иные „вожди“ насчет совместимости религии с марксизмом? Ничего общего. Одно дело, если просвещенный господин интеллигент, заброшенный судьбой в коммунистическую

партию, но чувствующий себя неудовлетворенным или страдающий идеологической отрыжкой или изжогой от плохого теоретического пищеварения, считает, что ему необходимы время от времени приемы мистических медикаментов—против идейной изжоги или других недугований. Это идейное фланерство, это мещанский снобизм, это как будто бы очень изощренный, а в самом деле — пошлейший аристократизм. Но совсем другое дело туркестанское или азербейджанское революционное сырье, первобытное, исторически не проработанное, которое к нам стучится, и которое мы должны принять и воспитать. Конечно, было бы лучше, если бы мы там имели пролетариев, которые прошли уже через стачки, сталкивались с церковью, отказались от старых предрассудков и лишь потом пришли к коммунизму. Так происходит сейчас в Европе, так, до известной степени, происходило и происходит у нас в центре. Но ведь нет там, на Востоке, всей этой предшествующей школы. Там наша партия является первой школой, и долг свой она должна выполнить в соответствии с обстановкой. Мы допустим там в наши ряды и таких товарищей, которые еще не порвали с религией, но не для того, чтобы мирить марксизм с исламом, а для того, чтобы тактично, но упорно

освободить сознание этих отсталых членов партии от суеверий, смертельно враждебных коммунизму по самому своему существу. Всеми средствами нашей партии мы должны помочь им проработать свое сознание во всех его областях, подняться вверх, дойти до подлинно цельного действенного материалистического мирозерцания. И это будет одна из важнейших наших миссий, товарищи свердловцы, — расширить и укрепить связь Запада с Востоком. Помните: мы являемся источником и носителем культуры для необъятного азиатского материка. Нашу миссию по отношению к Востоку мы должны, прежде всего, осознать и развернуть в рамках нашего собственного Советского Союза. Если трудно перевоспитать идейно пожилого или зрелого туркмена, башкира или киргиза, то это вполне возможно по отношению к туземной молодежи. Это есть, прежде всего, задача нашего Комсомола, нашей Свердловии. Революция затянется на годы, на ряд лет. Она развернется и завершится в течение десятилетий. Вы будете ее продолжателями. Не знаю, все ли вы будете ее завершителями. Но, товарищи, великое счастье и то, что вы будете участниками, что вы не дадите оборваться идейной революционной преемственности, что, овладев теоретическим оружием борьбы,

вы будете применять его на все более широкой арене. В этом надежном вооружении представителей молодого поколения есть главная задача Свердловского университета. Будем помнить: в последнем счете побеждает теория!

8. СВЕРДЛОВИЯ И ЛЕНИН.

Не сомневаюсь, что связь между Свердловией, с одной стороны, институтом Ленина и институтом Маркса, с другой, будет в ближайшие годы крепнуть все более. Путь к Марксу для младшего поколения лежит через Ленина. Прямой путь становится все труднее потому, что все большая эпоха отделяет молодежь от гениальных основоположников научного социализма— Маркса и Энгельса. Ленинизм есть высшее сгущение марксизма для непосредственного революционного действия в эпоху империалистской агонии буржуазного общества. Институт Ленина в Москве должен стать высшей академией революционной стратегии. Связь Свердловии с этим институтом должна установиться с самого начала, чтобы далее развиваться и крепнуть.

Товарищи! На этом нашем празднике пятилетнего юбилея мы ни о чем так не

скорбим, как о том, что наш почетный председатель Ильич не сидит здесь среди нас. Мысль об его долгой и тяжелой болезни не покидает нашего сознания. Но к этой скорби присоединяется, смягчая ее, чувство твердой уверенности в том, что могучим духом Ленина надежно, незыблемо проникнута наша коммунистическая партия, а с нею вместе и Свердловия,—одна из ценнейших клеточек партии. И в этом смысле можно сказать, что если наш вождь и учитель сегодня все еще не сидит здесь, среди нас, то революционный гений его с нами, он витает на этом празднике Свердловии. Нашими легкими революционеров мы вдыхаем на этом празднике атмосферу лучшей и высшей доктрины, которую создало предшествующее развитие человеческой мысли. Оттого мы так глубоко уверены в нашем завтрашнем дне. Я не могу, товарищи, иначе закончить свое приветствие от имени ЦК нашей партии, как послав наш общий братский привет и восторженную любовь учеников нашему учителю Ильичу. (Аплодисменты. Играют „Интернационал“).

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
1. „Новый человек“ и революция	3
2. Нэп, империалистское окружение, Интернационал	7
3. Революционер и мистицизм	11
4. Дарвинизм и Марксизм	14
5. Теория революционного действия	17
6. Памяти Свердлова	20
7. Партия на Востоке	23
8. Свердлова и Ленин	28

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ВЫШЛИ В СВЕТ РАБОТЫ:

Карла Маркса.

- Наемный труд и капитал.
- Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.
- Гражданская война во Франции 1871 г.
- Заработная плата, цена и прибыль.
- 18-ое брюмера.

Фр. Энгельса.

- Политическое завещание (из неопубл. писем).
- Революция и контр-революция в Германии.
- От утопии к науке.
- Принципы коммунизма.
- Людвиг Фейербах.
- Сила и экономика в образовании новой Германской Империи.

Н. Ленина.

- Основные задачи партии при нэпе (1921—1923 гг.).
- Государство и революция.
- Империализм, как новейший этап капитализма.
- Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма.
- Социалист. революция и задачи просвещения.
- О партийном строительстве за 20 лет.

Л. Троцкого.

- Литература и революция.
- Вопросы быта.
- Мысли о партии.
- Основные вопросы промышленности.
- Задачи коммунистического воспитания.
- Задачи XII съезда РКП.
- Новый курс.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

Заказы и деньги направлять в Торговый Сектор Издательства: Москва, Милютинский пер., 22. (Вход с Юшкова пер.)

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

ВЫШЛИ В СВЕТ РАБОТЫ:

Ленина и Плеханова.

Против Богданова.

Г. Плеханова.

В Амстердаме (статьи из „Искры“).

К. Цеткин.

Борьба компартий против войны и военной опасности.
Роза Люксембург и русская революция.
Наступление фашизма и задачи пролетариата.

Р. Люксембург.

Реформа или революция.
Коалиционная политика или классовая борьба.
Кризис социал-демократии.
Письма к Карлу и Луизе Каутским.

Карла Каутского.

Карл Маркс и его историческое значение.
Классовые интересы.
Республика и социализм во Франции.
Противоречия класс. интересов в 1789 г.
Томас Мор и его утопия.
Происхождение христианства.
Фр. Энгельс, его жизнь и деятельность.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

Заказы и деньги направлять в Торговый Сектор Издательства: Москва, Милютинский пер., 22 (Вход с Юшкова пер.).

Института Ленина

с/в Ц.К. В.К.П. (б.)

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

Ф. Меринг. История Германии с конца средних веков. Перевод и предисловие И. Степанова. Стр. 266. Цена 80 коп.

„Настоящая книга, являющаяся пособием для партийных школ германской с.-д. перед войною, представляет для нас интерес именно с этой стороны. Только приняв во внимание это ее назначение и вспомнив предварительную общую подготовку слушателей, своего рода начинку их в начальной школе духом рабской покорности великим Гогенцоллернам, мы поймем, почему Меринг главное свое внимание обращает на историю идеологии и немецкого самосознания и всячески продолжает то дело, которое он так блестяще начал, разоблачив „величие“ Фридриха II в своей „Легенде о Лессинге“. Думается, этим и объясняется та диспропорциональность, на которую обращает внимание в своем предисловии т. Степанов. Конечно, у Меринга есть и спорные места (оценка Лассаля), но для подготовленного читателя книга даст много. Издана книга в сравнении с тем, как она была выпущена в 1920 г. Госиздатом, роскошно“.

(„И правда“, № 199, 5/У).

Ф. Меринг. Об историческом материализме. Стр. 60. Цена 40 коп.

Настоящая работа Ф. Меринга посвящена изложению теории исторического материализма и содержит критический разбор взглядов историков-идеалистов.

„Мы вправе утверждать, что исторический материализм имеет уже прочную непоколебимую основу, но этим еще не сказано, что все результаты, к которым мы до сих пор пришли на основании исторического материализма, не нуждаются в защите. Кроме того, „бывают случаи злоупотребления историческим материализмом, ошаблонизирования его“. От этих ошибок и опасностей предохраняет работа Меринга“.

ВСЕ ЦЕНЫ ПО КУРСУ ЧЕРВОНЦА.

Заказы и деньги направлять в Торговый Сектор
Издательства. Москва, Милютинский пер. 22.

С К Л А Д И З Д А Н И Й:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Юшков пер., д. № 1, 5-й под'езд, 2-й этаж, кв. 50
Телеф. 16—07.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

- В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и
МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“—пл.
Свердлова, 2-й дом Советов.
2. Б. Сухаревская пл., № 16.
- В ЛЕНИНГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв.
магазин Коминтерна).

